

Наталья Зими́на

Сердце пепла

18+

Наталья Зимина

Сердце пепла

«Автор»

2026

Зими́на Н. Ю.

Сердце пепла / Н. Ю. Зими́на — «Автор», 2026

Мирра Вельская — королева. Печать в ней молчит, город живёт, Кассиан рядом. Но тишина — не мир. Колокол в саду звонит не для неё — для найдёныша с метой Пепла. Если семисотлетний цикл не разорвать, этот ребёнок станет девятой невестой — как все Вельские до неё. Мирра отправляется к морю — и узнаёт правду, которую её мать скрывала тысячу лет. Пожиратель — не чудовище. Он — слова, из которых составлена клятва. И чтобы закрыть печать навсегда, нужно сшить три осколка в один. Для этого нужны три настоящих имени. Мать отдаёт своё — и становится смертной. Пожиратель отдаёт своё — и уходит. Остаётся одно. Имя, которое Мирра должна произнести на языке, на котором не говорят, потому что на нём договариваются. Но произнести своё имя — значит перестать быть Вельской. Тогда кто она? Финальная книга тёмной трилогии «Пепельный двор».

© Зими́на Н. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Наталья Зими́на

Сердце пепла

Глава

ГЛАВА 1. ТИШИНА

Печать молчала три месяца.

Мирра просыпалась каждое утро и первым делом проверяла — не руку, не ладонь, не шов: тишину. Внутри. Под рёбрами слева, где когда-то жил голод, потом печать, потом чужая жизнь. Три месяца — ничего. Ровного, тёплого, пустого ничего. Как комната, из которой вынесли мебель и не сказали, когда привезут новую.

Город жил. Велиград вставал в шесть, ел в семь, работал с восьми до пяти, ужинал и ложился. Очередь за пепельным хлебом стояла на Соборной площади; Ясна пекла; серые торговали; пепельщики сводили должников с кредиторами. Стену, которую город построил за два дня в страхе, начали разбирать — не спеша, по одному бревну, потому что брёвна были из заборов и лавок, и горожане хотели их обратно.

Кассиан был рядом. Не на трёх шагах — рядом. С того дня, когда она съела его клятву жизни, расстояние между ними перестало быть техникой безопасности. Оно стало просто расстоянием — как между любимыми двумя людьми, которые стоят близко, потому что хотят, а не потому что должны.

Он не спрашивал, что она сделала. Он знал. Он держал её жизнь в перчатках — буквально: печать, разделённая на двоих, жила в его руках, а его жизнь — её жизнь — жила в её груди. Обмен. Сделка. Смета. Он говорил «записано» каждый раз, когда она делала что-то, что ему не нравилось, и она говорила «записано» каждый раз, когда он делал что-то, что не нравилось ей. Их бухгалтерия была безупречна.

Утром четвёртого апреля — через три месяца и два дня после молчания — колокол в саду позвонил.

Не тонко и коротко, как звонил всегда, — по вписанным, по своим. Длинно. Протяжно. Не переставая.

Мирра сидела на кровати. Она не двигалась. Колокол звонил — один удар, второй, третий, — и не смолкал, и каждый удар был как выдох, длинный, тягучий, из самой глубины. Серые во дворе замерли. Сад за частоколом поднял все колья на ладонь. Пепел на площади Соборной лёг ровно — весь, до последней пылинки, — и лёжа, шевелился, как шевелится вода подо льдом.

Кассиан вошёл — не постучав, потому что три месяца назад перестал стучать. Он был в перчатках, бледный, ровный, и лицо его было лицом человека, который слышит то, чего не должен слышать.

— Оно не замолкает, — сказала Мирра.

— Я знаю.

— Оно звонило для вписанных. Кто ещё вписан?

— Никто, — сказал Князь Пепла. — Кроме тебя.

Колокол звонил двадцать минут. Потом стих — резко, как обрезали. И в тишине после — в абсолютной, ватной, страшной тишине — Мирра услышала то, чего не слышала три месяца. Печать. Она проснулась.

Не голодом, не яростью, не требованием. Словом. Одним словом, на языке, на котором не говорят. Печать назвала имя.

Не её. Это было чужое имя.

ГЛАВА 2. ВОСТОЧНЫЙ БЕРЕГ

Весть от матери пришла в тот же день — не письмом, не вестником. Волной.

Море — восточное, серое, с плоскими волнами — ударило о берег так, что в Велиграде, за семьсот вёрст, качнулись свечи. В Дворе все свечи легли набок — но не от ветра, не от печати: от оклика. Море окликало.

Сажа прибежала с подносом — на подносе не еда: водоросль. Тёмная, длинная, с узлом на конце. Морская почта. Асту научили этому — те, кто жил у воды до того, как вода стала морем.

Мирра развязала узел. Внутри — записка. Не бумажная, не тканая: солёная корка, на которой были выцарапаны буквы. Море писало своей рукой.

«Старшая. Приезжай. Он нашёл меня. Не одна».

Семь слов. Аста умела писать коротко — она всю жизнь писала коротко, потому что была Тьмой, ставшей человеком, а Тьма не умеет многословия. Тьма говорит одним словом. Свет — предложением. Человек — молчанием.

Мирра показала записку Кассиану. Он прочёл, перечитал, положил на стол и сказал:

— «Он» — префект. Капистран. Его перевели в восточные епархии три месяца назад. Он искал её.

— А «не одна»?

— Не знаю. — Он посмотрел на неё. — Но колокол звонил не для тебя. Колокол звонил для того, кто «не одна».

Они выехали в тот же вечер — санями, с вестником, по льду, который держал — не потому что лёд окреп, а потому что печать в Мирре приказала ему держать. Лёд слушался королеву, как слушаются стражники приказ, — не раздумывая.

Дорога шла через освобождённые земли. Крестов стало меньше — орден отступил, капитула сместилась, писари ушли. Но на каждом перекрёстке стоял новый крест — не орденский, не деревянный: каменный, маленький, с одним словом: «Здесь». Горожане ставили их сами. Не для мёртвых — для живых. Ориентиры в новой географии, где старые приметы не работали.

Восточный берег встретил их туманом — серым, плотным, пахнущим солью и кедром. Море было не видно, но оно было — большое, тяжёлое, близкое. Как сосед через стену, который дышит.

Аста сидела на камне — на том самом, где сидела всегда. Вязала сеть. Но теперь она была не одна.

ГЛАВА 3. РЕБЁНОК

Ребёнок лежал у неё на коленях — завернутый в серую тряпицу, маленький, лет двух от роду, с тёмными волосами и светлыми, серыми глазами. На левом запястье — не родинка, не царапина. Мета. Пепельная. Птица, летящая вниз.

— Где? — спросила Мирра. Одно слово. Она умела спрашивать коротко — от матери.

— Нашла на берегу. Два дня назад. Морем принесло — как меня когда-то. — Аста не смотрела на дочь. Она смотрела на море. — Не подкидыш. Родильный. Пуповина свежая — сутки. Мать родила в воде и отдала морю.

— Кто мать?

— Не знаю. Но мету она поставила не сама. Мета — контрактная. Кто-то вписал ребёнка в печать. До рождения.

Мирра взяла ребёнка на руки. Маленькое тело было тёплым, тяжёлым, живым. Ребёнок не плакал — смотрел. Светло-серыми глазами, спокойно, как смотрят те, кто ещё не знает, что смотреть — это уже выбор.

— Вписали до рождения, — сказала Мирра. — Как меня.

— Как тебя, — сказала Аста. И повернулась — впервые за весь разговор. Лицо у неё было старое, белое, усталое — не от моря, от знания. — Старшая, ты понимаешь, что это значит.

Мирра понимала.

Печать обновляется каждые сто лет через невесту. Мирра — восьмая. Этот ребёнок — девятая. Если цикл не разорвать — через двадцать пять лет, когда ребёнок вырастет, печать найдёт её. Как нашла всех.

— Сколько у нас времени?

— Печать уже проснулась, — сказала Аста. — Ты чувствуешь её. Она чувствует ребёнка. Через год — может, два — печать потянется к ней. Не голодом — зовом. Ребёнок придёт сам.

— А если я уйду? Увезу её?

— Печать не привязана к месту. Она привязана к крови. У неё кровь Вельской — я чувствую.

Мирра сидела на камне — на том самом, где мать сидела тысячу лет. Ребёнок на руках. Море за спиной. Туман вокруг. И внутри — печать, которая молчала три месяца и проснулась утром, когда колокол позвонил — не для вписанных, не для своих.

Для новой.

— У неё нет имени, — сказала Аста. — Я не давала. Имя должен дать тот, кто разорвёт цикл.

— Я не могу разорвать цикл. Я — часть цикла.

— Именно поэтому — можешь. — Аста встала. Она была старая, прямая, белая — и в глазах её было то, чего Мирра видела только раз в жизни: в первую ночь у ворот, когда Князь Пепла сказал «опоздала на двадцать пять лет». — Старшая, я расскажу тебе, откуда взялась печать. Ты готова услышать?

Море ударило о камень. Раз. Другой. Туман сгустился.

— Я — та, кто её создал.

ГЛАВА 4. АРХИВ

Они вернулись во Двор с ребёнком — не в санях, по шву. Аста открыла проход: сорокасловный, от камня до кухни, как когда-то от шкафа до кельи. Ребёнок спал на руках у Мирры всю дорогу и не проснулся, когда вышли в тёплый гул Двора.

Сажа взяла ребёнка — молча, не глядя на мету, — и унесла на кухню, к Ясне. Ясна взяла — тоже молча. Женщины Двора умели молчать о том, что не их.

Мирра пошла в архив.

Она шла по рядам висящих клятв — мимо бирок, мимо узлов, мимо чужих долгов — к попитру, где стояла книга в человеческий рост. Журнал Двора. Книга, в которой семьсот лет записывали жизнь печати. Она открыла его на первой странице.

Первая страница была не Кассиановой рукой.

Почерк был другой — старше, твёрже, с нажимом, как пишут те, кто учился до того, как письмо стало ремеслом. Почерк Асты. Той Асты, которая не была ещё матерью, не была Вельской, не была человеком. Которая была — Тьмой, решившей создать клятву.

«Год от начала. Печать составлена. Клятвоведка: Вельская, Аста. Условие: Тьма не входит в мир, покуда держится печать. Плата: имя составительницы. Срок: сто лет. Обновление: через невесту».

Мирра прочла это дважды. Потом ещё раз.

— Ты составила печать, — сказала она Кассиану. Он стоял за её спиной — не на трёх шагах, близко, так близко, что она чувствовала тепло его перчаток. — Мать — клятвоведка. Она составила печать, которая держала Тьму.

— Не печать, — сказал Кассиан тихо. — Клятву. Печать — это форма. Клятва — содержание. Аста составила клятву, которая сказала Тьме: не входи. И Тьма послушалась — потому что клятва была безупречна.

— А цена?

— Цена — имя. Аста отдала своё имя Тьме. Взамен Тьма держится за печать. Круг замкнулся: имя держит клятву, клятва держит Тьму, Тьма держит имя.

Мирра смотрела на страницу. Почерк Асты — твёрдый, ясный, старый — был почерком клятвоведки. Как её собственный. Как почерк всех Вельских, которые когда-либо брали перо.

— Она отдала имя. Поэтому все Вельские — безымянные?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.